

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРА

ПРОСТОРЫ Крайнего Севера теперь уже нельзя называть недоступными и ненаселенными. Они активно вовлекаются в хозяйственную жизнь страны, их значение возрастает. И эта обширная зона может снабжать нас не только промышленным сырьем, но и многими сельскохозяйственными продуктами. Однако эта возможность районов Крайнего Севера почему-то до сих пор недооценивается. Определенный скептицизм проявляет даже часть работников науки. Они считают, что из-за чрезвычайно суровых условий продуктивность этих территорий повысить невозможно.

Между тем это далеко не так. В биологическом круговороте страны Север играет гораздо большую роль, чем принято считать. Двадцатилетние исследования Института экологии растений и животных Уральского научного центра Академии наук СССР убедительно показали, что тундра имеет огромный потенциал продуктивности. Сейчас она дает 3–4 центнера высущенной расстильности с гектара. Но луга по берегам рек и озер в тундре не уступают подобным угодьям в Нечерноземье, и урожайность их составляет 30–40 центнеров

сена с гектара. С залуженных земель тундры получают 28–65, а с угодий на дне спущенных озер — 40–60 центнеров сена с гектара. В наших опытах, например, канаречиковый луг, созданный на дне спущенного озера на Ямале, дал с гектара в среднем по 116 центнеров сена.

Одной из традиционных отраслей здесь является оленеводство. Оно приносит местным хозяйствам почти треть всего дохода. Численность домашних оленей на Севере составляет 2–2,5 миллиона голов, мясо их отличается высокими вкусовыми и питательными качествами, низкой себестоимостью. Значение этой отрасли в пищевом балансе северных территорий огромно и может быть значительно увеличено, если перейти от сложившихся способов выпаса оленей к научно обоснованному использованию пастбищ. Пока же они в одних местах истощаются, а в других используются не полностью.

Рыбные богатства рек и озер издавна составляли один из важнейших природных ресурсов Севера. Например, в 1954–1966 годах в Обь-Иртышском бассейне ежегодно добывалось до 533 тысяч центнеров рыбы. При-

чем около трети уловов составляли осетр, стерлядь, нельма, муксун, чир, сиг, пелядь, ряпушка и тугун. Однако в послевоенные годы уловы здесь резко снизились. Главные причины — загрязнение рек стоками промышленных предприятий, недостатки в организации промысла, нарушения в охране рыбных запасов. Чтобы исправить это положение, надо шире вовлекать в рыболовственное использование не только бассейны главных рек, но и их притоков, бесчисленных замкнутых и полузамкнутых водоемов, наладить комплексное использование всех рыбных богатств.

Не менее сложные проблемы ставят жизнь и перед промыслово-охотничим хозяйством Севера. Это особенно видно на примере песца. Периодические спады и подъемы его численности — естественная биологическая особенность. Но ошибки в организации промысла усиливают и искажают такие колебания, могут привести к полному подрыву воспроизводства этого вида. В период спада численности зверей промысел их должен быть сведен к минимуму, в начале выхода из депрессии — вообще прекращен, а при высшей численности — уве-

личен. Практическое решение проблемы просто: плановые задания по заготовкам пушнины должны быть перспективными, не на один год, а на пятилетку, причем межобластными. Это создаст основу той самой маневренности, которая имеет главное значение.

Особого внимания заслуживает проблема леса на Крайнем Севере. К югу от лесотундры простирается зона предтундрового редколесья, которая, например, в Ямalo-Ненецком округе превышает 10 миллионов гектаров. Но общий прирост древесины здесь почти в 4 раза меньше, чем в лесах промышленного пользования, и основную часть древостоя составляет лиственница. Не менее 3,5 миллиона гектаров заняты гарями, невостановившимися лесосеками, рединами. По данным лаборатории лесоведения нашего института, объем рубок в предтундровом редколесье не должен превышать 5 миллионов кубометров. Местные леса следуют рассматривать как защитную, формирующую климат зону. Пока же под топор и пилу идут массивы и «массивчики», которые более всего удобны для заготовителей. Гибнут даже островки лиственницы и ели, произрастающие в тундре

далеко за пределами основной лесной зоны. А это совершенно уникальный генетический материал, основа будущего восстановления тайги до границ прежнего ее распространения.

Для того чтобы хозяйство на Крайнем Севере могло успешно развиваться, оно должно быть комплексным и хорошо организованным. Государственные промыслово-охотничьи организации нам кажутся удачной для этого формой. Заготовка пушнины, падающие лесозаготовки, рыболовство при ограниченном использовании современного флота, производство рыбной муки, звероразведение, заготовки травы, ягод, грибов и их первичная переработка — вот те отрасли, которые, взаимно дополняя друг друга, могут стать основой экономически рентабельного и экологически грамотного использования природных биологических ресурсов Крайнего Севера. Успех может быть обеспечен лишь на основе долгосрочного планирования, основанного на экологico-экономическом прогнозировании развития природы и хозяйства.

**С. ШВАРЦ, академик.
Н. ДАНИЛОН, профессор.
Свердловск.**